

Панегирики в средние века, как и во времена античности, были наиболее далеки от реальной жизни, так как по самой своей природе они не могли и не должны были соответствовать действительным фактам. Тем не менее они по-своему отражали эту жизнь. Так же обстояло дело и с Речью Моисея Выдубицкого: князь Рюрик изображался не таким, каким он был в действительности, а таким, каким проповедник захотел его запечатлеть в сознании современников. Ни оратор, ни слушатели не воспринимали все сказанное в похвале за «чистую монету», и потому приветственная и благодарственная Речь игумена Моисея, рассчитанная на художественное впечатление, может быть в полной мере отнесена к художественной ораторской прозе Киевской Руси. Моисей произнес свою Речь как бы на одном дыхании, вдохновляясь платонским витийством более, нежели риторскими правилами. Поэтому в ней так трудно выделить составные части. Однако условно можно было бы считать, что она состоит из: 1) вступления, в котором проповедник от имени монахов благодарит князя за бескорыстную помощь и благодеяния и сообщает, что дерзает начать свою Речь; 2) главной части, содержащей собственно похвалу князю Рюрику Ростиславичу; 3) заключения, в котором Моисей призывает «милость, щедроты и любовь отца, сына и святого духа», а также выражает надежду, что архистратиг Михаил будет хранить князя и его дом.

Основная мысль Речи — часто встречающийся в античной литературе и Священном писании *τοπος* — воздаяние за дела: доброе дело всегда вознаграждается. Источником своего творчества, своего логоса, Моисей объявляет не божественный логос, а добрые дела князя Рюрика. Вся витиеватая, произнесенная с большим пафосом Речь насыщена важнейшими для энкомия сравнениями, метафорическими уподоблениями, перерастающими в гиперболу. Так, уподобляя себя пророку, Моисей начинает свою Речь с заявления: нам открылось то, что от других было сокрыто, мы увидели и услышали то, что другие не могли увидеть и услышать, а именно то, что подводится стена под монастырскую церковь. Построение стены им приравнивается к чуду. Любовь и милость князя Рюрика, данные в «газь-фулакию бо княжения», сравниваются с двумя лептами, которые бедная вдовица пожертвовала в сокровищницу храма.²⁰ Утверждается, будто в княжение Рюрика сбылись пророческие слова Мефодия Патарского, ибо душа богомудрого князя подобна «малому нѣбу», т. е. малому обиталищу бога, которое всегда «повѣдает славу божию правостыю вѣры и словесы истѣнными, а дѣла добрыми!». Как небеса украшаются «свѣтлостыю солища и растѣниемь луны, украшениемь звѣздъ» и тем славят творца, так и княжение Рюрика украшается «паче звѣздъ небѣсныхъ» «словесами честными», «дѣлами боголюбными», «державой самовластной». Слава его не только «в Рускихъ концехъ вѣдома», но и народам, «сущимъ в морѣ далече». Справедливость своих слов Моисей Выдубицкий подкрепляет ссылками на высказывания ветхозаветного пророка и евангелиста. Похвала князю достигает апогея, когда Рюрик уподобляется пророку Моисею: как Моисей вывел израильский народ из египетской неволи, так и Рюрик вывел нас «из работы немилосердыя и от мрака скупости», причем русский народ здесь назван «новый сий Израиль», что, по мысли проповедника, должно подчеркнуть его богоизбранность.

Далее, продолжая похвалу, выдубицкий панегирист сравнивает себя с сестрой Моисея Мариам, которая стояла на берегу реки и пела песнь, как

1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 438; о строительной деятельности князя Рюрика Ростиславича см. также: Ю. С. Асеев. Архитектура Київської Русі. Київ, 1969, стр. 157—168.

²⁰ Еванг. Мрк. 12₄₂₋₄₄; Еванг. Лук. 21₂₋₁.